

ВЛ. ПЯСТЪ

ТРЕТЪЯ КНИГА ЛИРИКИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ * ПЕТЕРБУРГЪ * МОСКВА**

1922

ВЛ. ПЯСТЪ

ТРЕТЪЯ КНИГА ЛИРИКИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ * ПЕТЕРБУРГЪ * МОСКВА
1922**

**Alle Rechte,
einschließlich des Übersetzungsrechtes,
vorbehalten**

✱

**Copyright 1922
by Z. J. Grschebin, Verlag, Berlin**

✱

Печать Библиографического Института въ Лейпцигѣ

Этотъ маленькій сборникъ стиховъ, относящійся къ 1920 году распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая, «Зубцовскій Цикль», по времени написанія, непосредственно предшествовала стихамъ, составляющимъ цикль лирики автора, названный имъ «Каріатида». Отдѣлы: «Безконечная поэма» и «Finale» входятъ въ этотъ цикль. Вторая книга автора, «Львиная Пастъ», обнимаетъ десятилѣтній періодъ его жизни съ 1908 по 1917 годъ, которому предшествовалъ періодъ «Ограды», написанной въ 1903—07 г. г.

Въ годы 1918 и 1919 ни одного лирическаго стихотворенія у автора не было.

Всѣ стихотворенія изъ «Каріатиды» (и «Зубцовскаго Цикла») переведены на нѣмецкій языкъ В. В. Гельмерсеномъ (лѣтомъ 1921 года).

Одно изъ стихотвореній (Finale I), включенное въ эту книгу, съ измѣненіями напечатано въ журналѣ «Домъ Искусствъ» № 2. Два другихъ («Безконечная Поэма» и «На Альманахѣ») — въ сборникѣ «Кольца Поэтовъ». Стихи же «Звѣрекъ» и «Каріатида» — въ Альманахѣ — (третьемъ) «Цеха Поэтовъ».

★

ЗУБЦОВСКИЙ ЦИКЛЪ

... Спросила ты: «А какъ въ двадцатомъ,
Способны ль сердце, мозгъ и плоть
Взаимный холодъ побороть
И слиться въ заревѣ богатомъ»?—

— Тогда, въ четырнадцатомъ, я
Былъ нѣмъ, безкрыль и бездыханень;
Изъ бархатной, узорной ткани
Не рвалась въ высь душа моя.

Въ рукахъ имѣя два конца
Непорывающейся цѣпи, —
Я хоронилъ ихъ въ тѣсномъ склепѣ,
Съ нетвердой ошущью слѣпца.

Теперь—не то! Мой каждый атомъ
Спѣшитъ во-внѣ себя отдать;
И если зарево видать, —
То это именно въ двадцатомъ!

Іюль 1920.

✱

НѢЧТО АСТРАЛЬНОЕ

Мы съ тобою взрастили звѣрка,
Онъ мохнатъ, со щетинкой, и черень;
И въ своемъ бытіи онъ упорень,
Не отъ каждаго рухнетъ толчка.

Хоть конечности слабы его,
Изнутри ни пушинки на лапахъ,
И, пожалуй, что мускусный запахъ
Въ немъ реальнѣй другого всего.

Онъ исчезнетъ, — но только когда
Излѣчусь я отъ злого томленья
По тебѣ, моего вдохновенья
Не по волѣ святая, звѣзда.

Іюль 1920.

★

Вмѣстѣ прожитаго утра
Восхищенная небрежность —
Не повторишься ты больше
Въ этомъ мѣстѣ никогда;

Въ коридорѣ встрѣча мелькомъ,
Въ спальню запертыя двери, —
Отголосокъ глупой ссоры,
Наканунѣ изжитой;

Одинокое купанье
— Въ исключенье, безъ костюма, —
И по странамъ европейскимъ
Вновь занявшаяся грусть;

И возможность слушать голосъ
Изъ-за стѣнки деревянной,
И рождать изъ каждой ноты
Неожиданность стиховъ.

Іюль 1920.

★

АМЕРИКАНКЪ

Милая Джо,
Вотъ что:
Луиза Олькоттъ.

Вотъ бы вамъ преріи, лассо, мустанга,
Небо надъ сьеррой вдали голубое,
Въ сумочку сыръ, да лепешку изъ манго, —
И превратилась бы, Джо, Вы въ ковбоя.

Съ Вами въ «и я» поиграть мы могли бы,
Какъ шаловливые сверстники-дѣти;
Всѣ бы я выразилъ мыслей изгибы
Въ этомъ простомъ, неизмѣнномъ отвѣтѣ.

Всюду — «и я», какъ бы, Джо, Вы ни бились;
Склеены мы, какъ явленье съ причиной;
— Вплоть до признанья, въ кого бѣ вы влю-
бились,
Если бы, Джо, родились Вы мужчиной.

★

ИНСТИТУТУ ЖИВОГО СЛОВА

Въ углу шуршали мыши;
Весь домъ застылъ во снѣ;
Шель дондѣ. И капли съ крыши
Стекали по стѣнѣ.

«Дождь». К. Бальмонтъ.

Всегда возможенъ поворотъ
Фортуны къ несчастливцамъ даже!
Я обращаюсь къ Раѣ-Сажѣ:
Благословененъ твой приходъ.

У побѣжденнаго вождя
Разбита вся живая сила, —
И вдругъ меня ты оросила
Небесной музыкой дождя.

Шуршала мышь. Въ стѣнѣ жучокъ —
Точильщикъ медленно тиктакалъ;
— Безъ войска вождь беззвучно плакалъ,
Онъ самъ какъ дождь слезой истекъ.

Туть, о Пенкевичъ, вспомнилъ я,
О Евдокимовой, Герзони, —
И въ тяжкомъ и протяжномъ стоѣ
Вся изошла душа моя.

Шурыгинъ, Тотешъ, Гиллельсонъ,
И Алексѣева съ Пясецкой, —
Ужели все вы — только дѣтскій,
Лишь несбывающійся сонъ?

И ты, достойная Орлова;
И ты, чей въ рыжихъ волосахъ
Огромный бантъ — внушаетъ страхъ
Завистникамъ «Живого Слова», —

Ты, Рада Гейнике. — И ты,
Михайлова, въ игрѣ пѣвучей
Ея соперница; могучій
Служитель чистой красоты;

— Исчезли всѣ вы какъ миражъ,
Какъ дразнящія сновидѣнья;
Моихъ руинъ — со дней паденья
Усадьбы Эшеровъ — я стражъ.

Исчезли вы, какъ тѣнь, какъ дымъ;
Какъ блескъ утеряннаго рая;
И васъ не пепломъ Сажа-Рая,
Но ливнемъ кроетъ золотымъ.

О, если бъ я не презиралъ
Съ молодыхъ ногтей понятия «кража», —
То уверяю, Рая-Сажа,
Я васъ бы первую укралъ!

Іюль 1920.

★

Т. П. Л-ой

**Колдунья, чей взоръ роковой
Сильнѣе безумнаго взора
Поэта съ душой огневой,
Живеть подъ острогомъ у бора.**

**Она прилетала вчера,
И здѣсь ворожила такъ долго, —
И вотъ обезводѣла Волга,
А я не заснулъ до утра.**

**Мою зачурала любовь,
Другую мнѣ сердце плѣнила, —
И сѣрая, рѣдкая бровь
Въ немъ нимбъ золотой замѣнила.**

**Не здѣсь, — ты надъ боромъ колдуй,
Колдуй надъ холоднымъ острогомъ, —
Но въ сердце, мучительно-строгомъ,
Ты мысль обо мнѣ не задуи.**

Теперь ворожеины дни;
Недѣлю стоитъ новолунье...
Колдунья, колдунья, колдунья!
Ты мысль обо мнѣ не гони!

Зубцовъ на Волгѣ.
Іюль 1920.

★

КАРІАТИДА

— Я дала тебѣ чашу. Пей!

КАРИАТИДА

Я не могу изъ этой чаши пить!
У слѣпка твоего обрѣзанъ подбородокъ.
На пристани моей сгрудилось много лодокъ,
На самой стройной я, волшебной, долженъ
плыть.

Я не могу изъ этой чаши пить.

Нѣтъ, духа твоего Землѣ не умѣститъ,
О, гордый сонъ мой, сладостный и кроткій!
Мнѣ въ этомъ мірѣ мигъ одинъ короткій
Тебя дано любить, но такъ любить, —

Что ангельскихъ поэмъ,
Несравненный ни съ кѣмъ,
Творецъ —
Теперь навѣки нѣмъ;

Что жалкій слѣпецъ,
Теперь Тиціанъ,
Которому видѣть творенья вѣнецъ
Былъ даръ, на Землѣ неповторенный, данъ ;

Что солнечныхъ системъ
Вихревыя мчанья —
Теперь лишь качанья
Пылинокъ въ проблестѣвшемъ лучѣ, —

И ты — этотъ лучъ ;
Твой голосъ могучъ,
И на нѣжномъ, покатомъ плечѣ

Ты выступи храма, чей фронтонъ изъ вида,
По непомѣрности своей,
Теряется, — Каріатида,
Несешь сквозь гущу земныхъ дней.

Я не могу изъ этой чаши пить, —
Не потому, что духа не имѣю
Божественную часть назвать своею ;

Не потому, что не созрѣлъ любить, —
Но оттого, что срѣзанъ подбородокъ
Слѣпительнаго слѣпка твоего;

Но
Оттого
Что
суждено
Отплыть мнѣ на одной изъ самыхъ легкихъ
лодокъ.
Августъ 1920.

★

НА «АЛЬМАНАХЪ»

Отчего, когда рядомъ сидѣли мы тамъ,
И я жадно ловилъ — какъ преступники
ловятъ
Лучъ надежды по сжатымъ судейскимъ гу-
бамъ —
Лучъ безмѣрнаго лада въ любомъ твоёмъ
словѣ,

Тѣнь ея воплотилась въ одну
Изъ сидѣвшихъ и слушавшихъ женщинъ?—
— Подглядѣтъ захотѣлось ей третью весну.
Убѣдиться, что цвѣта въ ней меньше?—

Но я понялъ тогда, чей коралловый крестъ
Та, что цѣпью обвила меня золотою
(Не соперничать съ ней никому красотою!)
Сняла съ шеи моей, сдѣлавъ бархатный жестъ..

Августъ 1920.

★

Каждое сердцебіеніе —
Это біеніе твое...

Красная армія гдѣ-то
Вскинула къ глазу ружье.

Ты возлюбила поэта,
Чѣмъ онъ отвѣтитъ тебѣ?...

Страшное будетъ мгновенье,
Если угодно судьбѣ.

Знай же, Сомнамбула, знай же:
Ты ему сладостнѣй всѣхъ. —

Только при встрѣчѣ съ тобою
Спалъ съ него тягостный грѣхъ.

Лучшая въ мірѣ, прощай же!
Лучшая въ мірѣ міровъ.

Приготовленія къ бою
Кончены. Что жъ? — Я готовъ.

Августъ 1920.

✱

БЕЗКОНЕЧНАЯ ПОЭМА

Опухшее отъ длительныхъ безсонницъ,
 Одно изъ нижнихъ вѣкъ;
А захоти — и увезетъ эстонецъ,
 Тебя любой навѣкъ.

И порчею затронуты зубы
 (Но порча ихъ сладка!)
И не закрывающіяся губы:
 Верхняя — коротка;

И бѣлокурыя надъ ней пушинки
 (Вѣдь то, гляди, усы!)...
Жнеца и жницы (стали госпожинки)*)
 Скрестились полосы.

Самъ долженъ былъ я этотъ мигъ отмѣтить,
 Самъ подойти,
И ты должна, должна была отвѣтить,
 Отдать свои пути.

*) Успенскій постъ.

О, яркая и чистая какъ пламя,
О, нѣжная, какъ высь!...
И небывалыми колоколами,
Вселенная, молись!

Смотри, какіе меркнувшіе свѣты
Воспламенились вновь;
Какія любопытныя планеты
Летятъ къ намъ на любовь.

Вонъ Змій, порфиновый и кареглазый,
Мой дорогой, онъ тутъ;
Надежды винный бархатъ и алмазы,
Маринъ изумрудъ;

И горлинка глядящая орлицей,
Съ рубиномъ на груди;
И самъ Эдгаръ, и серафимовъ лица
За нимъ и впереди...

Опухшее отъ длительныхъ безсонницъ
Одно изъ нижнихъ вѣкъ
(и такъ далѣе).

1920. Сентябрь. Начало.

FINALE

It was night in the lonesome
October
Of my most immemorial
year. —

I

— Я дала тебѣ чашу. Пей!

Parturiant montes — nascetur ridiculus mus.

Весь вашъ внутренній міръ я люблю,
И люблю я все внѣшнее ваше;
Оттого и спокойно терплю
Исчезаніе явленной чаши.

Молча муку такую сношу,
Какъ попавшія заживо въ склепы.
Справедливости только прошу,
Я, — быть можетъ, тяжелый, нелѣпый, —

Пусть тяжелый, нелѣпый, какъ ложь,
Въ трехсосновой завязнувшій чащѣ,
Приносящій несчастье, — я все жъ
Настоящій. Да, да! Настоящій!

Настоящее зналъ я тогда,
Зналъ блаженство небывшее въ мірѣ;
Пожеланій моихъ провода
Разнесли его всюду въ эфирѣ.

Утро каждое я посылалъ
Самой малой возникшей былинкѣ —
Чтобы пестикъ ея просіялъ,
И лучистыми стали тычинки;

Всѣмъ желалъ одного: чтобъ какъ я,
Не иначе, блаженными были.
— Ибо съ самыхъ родовъ бытія
Ослѣпительнѣй не было были.

Да, пожалуй, еще объ одномъ
 Попрошу васъ — когда вамъ не спится,
Какъ нибудь у меня за окномъ,
Въ часъ ночной, прилетѣвъ, очутиться,

И послушать, какъ сонную тишь,
Въ разстояньи за шторою близкомъ,
Подъ каблукъ угодившая мышъ
Разрѣзаетъ пронзительнымъ пискомъ.

— То мой бредъ. Потому не боюсь
Въ немъ я съ истиной впасть въ разнорѣчье.
Потому — какъ мертвецъ я смѣюсь,
Что у мыши — лицо человѣчье.

★

II

*Litoreis ingens inventa
sub illicibus suis.*

Великолѣпная Мангусть
Съ Ракетой и Мадамъ Феррари
Котировалась бы al-ragi,
Будь вязкій грунтъ не слишкомъ густъ.

Высококлассную Мангусть
Ни Эрна, ни Гавоть, ни Лира,
Ни Айришь Джигъ, ни даже Вира,
Славянофилка, или Мира,
Отправить не смогли бы въ кустъ.

Непобѣдимая Мангусть,
Дочь русской крови Эльсинора,
О, внучка Кракуса! — и спора
Съ тобой не выдержитъ Галустъ.

О, тонконогая Мангустъ,
Вся кровь, стремленье и натура, —
Ведерниковскій Джеттатура
Передъ тобой какъ нуль былъ пусть.

О, пылевѣйная Мангустъ,
О, гордость графа Рибопьера, —
Твоя блестящая карьера
Ахматовскихъ достойна усть!...

Отождествленная съ Мангустъ,
Сладчайшая во всѣхъ вселенныхъ, —
Тебя держать въ числѣ ли плѣнныхъ
Уздами буду ржавыхъ уздъ?

Ты слышишь этихъ пальцевъ хрусть?
Испанскій сапожокъ ты чуешь
— На той ногѣ, что уврачуешь
Своимъ копытомъ ты, Мангустъ?

Пойми, что все: не только бюсть,
Не Соломоновское только
Твое чело; не что ты полька, —
А весь мой даръ — въ тебѣ, Мангустъ!

Ты слышишь этихъ пальцевъ хрусть?

СОДЕРЖАНІЕ

	стр.
Вмѣсто предисловія.....	5

ЗУБЦОВСКІЙ ЦИКЛ

Спросила ты: — А какъ въ двадцатомъ .	9
Нѣчто Астральное (звѣрекъ)	11
Вмѣстѣ прожитаго утра	12
Американкѣ	13
Институту Живого Слова	14
Т. П. Л-ой (Колдунья, чей взоръ...)	17

КАРИАТИДА

Каріатида	21
На «Альманахѣ»	24
Каждое сердцебіенье	25

БЕЗКОНЕЧНАЯ ПОЭМА

Опущшее отъ длительныхъ безсонницъ ..	29
---------------------------------------	----

FINALE

I. Весь вашъ внутренній міръ я люблю ..	33
II. Великолѣпная Мангусть	36

